

Развитие концепции аномии: специфика социальной патологии в обществе травмы

© В. В. Кривошеев, Д. Ю. Кочергин
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются особенности восприятия и определения понятия «норма» применительно к обществу травмы. В этой связи высказывается соображение о наличии в обществе социальных и позитивных норм. Подчеркивается, что даже такое выделение не позволяет в полной мере оценить возникновение и проявление социальной патологии в социуме. Детально показывается эволюция теории аномии на разных этапах развития общества, подчеркивается важность современной трактовки аномичного состояния социума. Отмечается, что в современных условиях важно не просто уточнить понятия «норма» и «аномия», но и в целом проанализировать саму возможность их более или менее точного определения. Особо это важно сделать, с точки зрения авторов, с учетом возникновения и функционирования общества травмы. Поэтому авторы обращаются к концепции социальной травмы, её развития в трудах разных исследователей. Считается важным показ своеобразного перехода многих индивидов к так называемым коротким жизненным проектам, когда доминируют не стратегические замыслы людей, а их стремление видеть не перспективы жизни, а сиюминутные желания. Утверждение коротких жизненных проектов часто означает и субъективную невозможность для человека даже мысленной отделимости позитивного, правильного от негативного, запретного. Это уже отчасти передает представление о социальной патологии и в постмодернистских построениях. Таким образом достаточно большая неопределенность и понятия норма, и, соответственно, способов оценки состояния общества на её основе вызывает немало не только теоретических, но и вполне практических проблем. Именно поэтому, как отмечается, сейчас множество индивидов отказываются и прежним, традиционным, и новым нормам в их легальности, в возможности и необходимости их принять, руководствоваться ими. Новые нормы и правила к тому же быстро появляются, но с учетом ускорения социального времени столь же быстро и исчезают, своеобразно угасают. В силу этого человек в настоящее время становится не просто самодостаточным из-за отсутствия ожидания чего-либо от государства, социальных институтов. Для индивида общества травмы нормы давно рассыпались на множество частных, индивидуальных. Авторы приходят к выводу, что в современном обществе достаточно затруднительно, по нашему мнению, определить, какой же смысл имеет понятие аномия.

Ключевые слова: аномия, девиантное поведение, социальная патология, общество травмы

Для цитирования: Кривошеев В. В., Кочергин Д. Ю. Развитие концепции аномии: специфика социальной патологии в обществе травмы // *Социальная компетентность*. 2022. Т. 7. № 4. С. 334–343.

Development of the concept of anomie: specifics of social pathology in society of trauma

© Vladimir V. Krivosheev, Daniil YU. Kochergin
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. The article reveals the peculiarities of perception and definition of the concept of “norm” in relation to society of trauma. In this regard, the consideration is expressed about the presence of social and positive norms in society. It is emphasized that even such an allocation does not fully assess the occurrence and manifestation of social pathology in society. The evolution of the theory of anomaly at different stages of the development of society is shown in detail, the importance of the modern interpretation of the anomalous state of society is emphasized. It is noted that in modern conditions it is important not only to clarify the concepts of “norm” and “anomaly,” but also to generally analyze the very possibility of determining them more or less accurately. It is especially important to do this, from the point of view of the authors, taking into account the emergence and functioning of trauma society. Therefore, the authors turn to the concept of social trauma, its development in the works of various researchers. It is considered important to show the peculiar transition of many individuals to the so-called short life projects, when it is not people’s strategic plans that dominate, but their desire to see not the prospects of life, but momentary desires. The approval of short life projects often meant the subjective impossibility for a person even the mental separability of positive, correct from negative, forbidden. This already partly conveys the idea of social pathology in postmodern constructions. Thus, a rather large uncertainty and the concept of the norm, and, accordingly, ways to assess the

state of society based on it causes many not only theoretical, but also quite practical problems. That is why, as noted, now many individuals refuse both the previous, traditional, and new norms in their legality, in the possibility and need to accept them, to be guided by them. New norms and rules also quickly appear, but given the acceleration of social time, they just as quickly disappear, fade away in a peculiar way. By virtue of this, a person currently becomes not just self-sufficient due to the lack of expectation of anything from the state, social institutions. For an individual society, the traumas of the norm have long been scattered into many private, individual ones. The authors conclude that in modern society it is quite difficult, in our opinion, to determine what meaning the concept of anomaly has.

Keywords: anomaly, deviant behavior, social pathology, trauma society

For citation: Krivosheev V. V., Kochergin D. YU. (2022) Development of the concept of anomaly: specifics of social pathology in society of trauma. *Sotsialnaya kompetentnost = Social Competence*. Vol. 7. No. 4. P. 334–343. (In Russ.).

Введение

Нарушения неких общепринятых правил поведения индивидов, норм взаимодействия их друг с другом, с социальными группами, обществом в целом составляли едва ли не главное предметное поле социологии с момента её зарождения. Более того, есть все основания утверждать, что само появление социологии как науки во многом связано не только с насущной потребностью глубоко вникать в процессы, происходящие в период становления нового, индустриального общества, но и в те негативные следствия, которые, как выяснилось, с неизбежностью содержит в себе этот социум. В частности, речь идет не только о некоторых сбоях, но и все более заметных негативных явлениях в системе регуляции поведения, действия значительного числа индивидов. При этом выявлялось, что процесс ускорения социальных процессов, постоянный переход социума от одного состояния к другому вызывают, хотя бы временное нарушение сложившихся и в большей мере инерционных моральных и правовых норм. Именно так рассуждал Э. Дюркгейм, который и сформулировал представление об аномии общества. Аномия связывается им с переходом от общества традиционного, имеющего устоявшиеся регуляторы поведения, к обществу промышленному. Фиксировалось, что традиционное общество имело сегментарную, относительно замкнутую структуру, а «пока общество состоит из сегментов, все, что происходит в одном из них, имеет тем менее шансов отразиться в других, чем сильнее сегментарная организация» (Дюркгейм, 1996. С. 231). По-иному все происходит в сложных обществах, коммуникационные

возможности элементов которого должны постоянно поддерживаться специализированными органами для обеспечения его целостности. Регуляция поведения в сегментах, при наличии ограниченного набора норм в силу именно замкнутости, изолированности элементов социальной системы от других, осуществляется более успешно, чем в условиях постоянно растущего числа предписаний и установлений в сложных обществах с открытыми, проницаемыми связями между частями социума. При этом некоторые регуляторы могут противоречить один другому, что вносит еще большую дезорганизацию в социальную жизнь. Получается, что усложнение общества, все большее разделение труда имеет и явно выраженную негативную сторону: снижение способностей социума достаточно однозначно воздействовать на поведение человека, социальных групп, что само по себе увеличивает число отклонений от неких норм.

Но аномия связывается Дюркгеймом не просто с переходом к более сложной социальной организации, а корреспондируется и с большей специализацией элементов промышленного, современного ему общества. «Функциональное разнообразие влечет за собой моральное, которое ничто не может предупредить; одно неизбежно возрастает вместе с другим» (Дюркгейм, 1996. С. 370). Таким образом, Дюркгейм полагает, что аномия, понимаемая как утрата значительной частью общества сопричастности моральной и правовой регуляции в силу, в частности, избытка норм, свойственная усложняющемуся социуму, характеризует временный упадок регулирующих способностей общества, является своего рода издержкой

неполноты перехода от принудительной, механической к органической, самостоятельной солидарности. Акцент при этом делался именно на временном характере нарушения нормативного порядка в социуме. Поэтому Дюркгейм вполне определенно высказывает положение о том, что по мере утверждения, развития индустриального общества аномичное состояние будет преодолено, массовые нарушения норм прекратятся, а новый регулятивный порядок вполне утвердился. Как часто приходится обращать внимание, что безупречный по сути анализ социальных проблем у очень многих социологов, включая и классиков, в части прогноза завершается некими утопическими построениями. Вот и в данном случае нетрудно заметить, что Дюркгейм по сути выразил своего рода мечту, явно идеализированное состояние о будущем состоянии социума.

Социальная практика тем не менее давно и убедительно показала, что и с развитием индустриального общества нарушения норм, правил, предписаний не только не прекращаются, но приобретают все более распространенный характер, приобретают новые черты, не свойственные предшествующим стадиям функционирования социума. Применительно к этому обществу концепцию аномии уточнил, как известно, Р. Мертон, ведя рассуждение в координатах «цель действия – средство достижение цели». Обращаясь, прежде всего, к реалиям своего, американского общества, общества с развитой рыночной психологией, культом финансового успеха и престижа, Мертон показал, что антисоциальное поведение в известном смысле «вызывается к жизни» некоторыми общепризнанными ценностями культуры и социальной структурой. Сама социальная структура развитого индустриального общества предполагает различный доступ индивидов к возможностям законного достижения, обусловленных культурой целей обогащения (Мертон, 1996. С. 308). Разрыв между не только декларируемыми, но и всемерно поддерживаемыми целями, среди которых наиболее продвинутой является потребление все более разнообразных

товаров и услуг, и вызывает «противонравы и антисоциальное поведение» (Мертон, 1996. С. 302). Действительно, индивид попадает в положение несовместимых требований культуры. С одной стороны, от него требуют, чтобы он ориентировал свое поведение «в направлении накопления богатства; с другой – ему почти не дают возможности сделать это институциональным способом» (Мертон, 1996. С. 309). Интерес представляет и наблюдение Мертона относительно механизма поведения индивида, вызываемого противоречивыми требованиями к нему. Речь идет, в частности, о символической, безличной природе денег, которые не содержат указания на то, какими способами они получены, законными или противоправными. Кроме этого, культура индустриального общества, особенно больших городов, носит анонимный характер, что означает, ко всему прочему, недоступность контроля со стороны группы (общины) большинства поведенческих актов людей (Мертон, 1996. С. 304).

Немало сделано и делается социологией и с точки зрения изучения предельной формы нарушения норм и правил, т. е. преступного поведения. В этой связи нельзя не вспомнить классическую работу П. А. Сорокина (Сорокин, 2006). Весьма важны, на наш взгляд, и творческие изыскания А. Ничефоро, который на основе анализа судебной практики, уголовной статистики установил своего рода закономерность, убедительно показав, что преступные действия на протяжении истории социума эволюционируют от насилия к хитрости. Он зафиксировал, что интриги и спекуляции выглядят все более выгодным предприятием, чем жестокость (Nicheforo, 1949. P. 252). Жульническая манипуляция с картами может принести большую выгоду, нежели честная игра, но и нежели разбойное нападение (Nicheforo, 1949. P. 255). Работа, в которой содержатся эти сентенции, написана более семидесяти лет назад, когда, понятно, ни о каких компьютерных мошенниках и киберпреступности и речи быть не могло. А эти формы преступности, как известно, получают все большее распространение

в настоящее время. Сказанное, разумеется, совсем не означает, что примитивное насилие исчезло из общественной жизни. И все же уже тогда был выявлен тренд, который ныне приобрел особую актуальность, уже тогда было показано основное направление эволюции нарушение норм и принципов морали и права.

Но возникает и еще одна проблема. Речь идет о возможности оценки того, насколько аномия присуща современному, все более сложному обществу, которое исследователи определяют весьма по-разному. Это и общество постмодерна (Лиотар, 1998), и информационное общество (Белл, 1986; Кастельс, 2000). С полным на то основанием И. Пригожин именует современный социум сетевым обществом (Пригожин, 2008). Как бы там ни было, многие исследователи, желая они того или нет, фиксируют с одной стороны, неразвитость понятийного аппарата, который не дает в полной мере отразить современность со всей её порой причудливой насыщенностью казалась бы несовместимых по природе своей явлений социальной жизни (Бодрийяр, 2000). Но с другой – понятийная разноголосица на самом деле выявляет реальные, и часто просто абсурдные феномены, еще недавно не отмечавшимися в социуме (Бурьяк, 2017). Отчетливо фиксируется снижение ценности труда, позитивной деятельности на благо общества, других людей (Грэбер, 2020). Более того, сами категории аномия, девиация как видится многим, нуждаются в уточнении, а возможно и в переосмыслении (Мартыненко, 2022). Понятно, что одно связано с другим: не может быть отработан и развит категориальный аппарат, если в действительности происходят едва уловимые социальные флуктуации, которые и следуют они одна за другой с ускоряющимися временными границами и которые весьма затруднительно определить в неких устоявшихся категориях (Бауман, 2008). Авторы стремились показать свое видение указанных проблем и противоречий, которые, естественно, связаны далеко не только с лексическими трудностями.

Методы

Авторы в данной статье использовали вторичный анализ социологической информации, раскрывающей различные аспекты аномичного состояния современного общества. Кроме этого, авторы опирались на статистические данные, передающие процессы, происходящие в травмированном социуме.

Основные результаты и выводы

Нетрудно заметить, что само понимание аномии не просто как-то связано, а невозможно без осмысления, оценки, без проникновения в сущностные характеристики понятия «норма». Действительно, для выявления того, что фиксируется как отклонение, аномичное состояние, ключевым, исходным понятием является именно эта категория. От чего, собственно, происходит отклонение? Вот один из самых определяющих вопросов, по нашему мнению, в рассмотрении патологического состояния социума. Можно допустить, что понятие «норма», как впрочем, и многие иные в социально-гуманитарном знании, характеризуются неопределенностью, пластичностью, многозначностью, наличием субъективных коннотаций. И именно в силу этого категория «норма» всегда вызывала немалые трудности в анализе всего происходящего в обществе. Тем более что, по мнению У. Бека, в обществе уже произошло «превращение нормы в абсурд» (Бек, 2000. С. 3).

Представляется необходимым уточнить данное понятие, выдвинув свое понимание классификации норм, позволяющее показать на этой основе, что же есть аномия, социальная патология в целом. Иными словами, говоря языком М. Вебера, попытаться создать некий идеальный тип, чтобы затем попытаться соотнести с ним реальность. Тогда, возможно, и удастся показать, насколько и такой подход не в состоянии будет уловить все нюансы современного состояния общества. Но все же, по крайней мере, для исходного анализа можно, с нашей точки зрения, выделить существование двух основных видов норм: социальной нормы и нормы позитивной. Под социальной

нормой при этом мы понимаем внешнее, объективное, независимое от поступка, действие индивида, социальное свойство явления, процесса, делающее их типичными, наиболее распространенными. Тогда позитивная норма может быть определена как такой поведенческий акт, поступок, социальное явление, которые направлены на повышение степени зрелости социальных отношений, служат не просто утверждению, а развитию в обществе нравственных начал, предполагают совершенствование физического и духовного здоровья людей, а значит и общества в целом.

Но типичное, утвердившееся, наиболее распространенное действие или явление социальной жизни, говоря математическим языком, может быть как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Достаточно хорошо, например, известно, насколько в российском обществе распространены в настоящее время такие социальные явления, как использование ненормативной лексики, пьянство, в том числе среди молодежи и подростков и т. п. Все это и есть социальные нормы, поскольку такие поведенческие акты достаточно распространены.

Но вряд ли можно утверждать, что все эти действия нормальны в позитивном понимании. Понятие «позитивная норма» существенно содействует выявлению наиболее существенных характеристик общества. Очевидно, что социальная норма может как совпадать с позитивной, так и противоречить ей. Скажем то, что абсолютное большинство наших соотечественников придерживается правил дорожного движения, поведения в общественных местах, поддержки тех, кто нуждается в помощи, показывает, что социальная норма в данном случае идентична позитивной. Но эмпирически легко устанавливается, что чем уже поле, зона развертывания, существования позитивной нормы, обеспечивающей не просто выживание, а укрепление физического и духовного здоровья общества, его относительный прогресс, тем меньше шансов на оздоровление ситуации, меньше возможности преодолеть негативные процессы

в наиболее разрушительной для социума форме.

Казалось бы, такой подход мог обеспечить более четкое понимание сущностных характеристик социальной патологии. Но и здесь есть немалое препятствие, мешающее определенному взгляду на негативные явления в жизни общества. Уж если речь шла о размытости, нечеткости, многозначности понятия «норма», то не менее трудно, хотя бы приблизиться к однозначной трактовке понятия «нравственное здоровье». Ведь сама нравственность подвержена непрерывным изменениям. Понятно, что из этого следует и весьма непростая проблема четкой трактовки понятия «физическое и нравственное здоровье общества», передающие все содержание позитивной нормы. И если первое слагаемое в этом понятии, касающееся физического здоровья, все же относительно легко переводится на язык неких критериев, параметров и т. п., фиксируется статистикой, то второе, затрагивающее нравственность общества, не представляется строго верифицируемым.

Не только результаты исследований классиков, но и сами методологические подходы, которые использовались ими, во многом могут служить основой анализа социальной патологии и в настоящее время. Скажем, идея Дюркгейма о том, что переход общества к иному состоянию вызывает аномии, вполне может быть применима и теперь. Действительно, нетрудно установить, что любые подвижки в социуме, любые его трансформации вызывают дисбаланс между поведенческими актами индивидов, социальных групп и нормативной базой общества, которая во многом является пролонгированной, не успевает за быстрыми переменами в сознании и поведении индивидов, больших и малых социальных групп. Еще в начале 2000-х годов одному из авторов приходилось отмечать, что все происходившее в российском обществе в 1990-е годы, означало своего рода обратный переход, то есть попятное движение от некой целостности к фрагментарному социуму, живущему не по общим законам

и установлениям, а по правилам и нормам, свойственным небольшим социальным группам, общностям (Кривошеев, 2003. С. 95). Это было связано с тем, что потом называли преодолением советского прошлого. Но само это преодоление шло радикально, сломом многих правил и установлений, которые поддерживали целостность социума, его в основном позитивную направленность. Поэтому и К. Сводер, Л. Косалс выстраивают свое представление об аномии в современном российском обществе, основываясь на концепции Дюркгейма, уже апробированную на российском материале в ходе эмпирического исследования. Эти авторы видят в аномии своеобразный элемент попытки модернизации России как перехода к некоему новому состоянию социума. При этом главным маркером такой аномии является неуверенность многих людей в возникающей иной ценностно-нормативной основе общества. Неслучайно свою концепцию они называют «don't know» anomie, т. е. передающее положение незнания, растерянности индивидов перед вызовами все более стремительно меняющегося времени (Swader, Kosals, 2013).

На наш взгляд, многое в понимании современной аномии, в том числе применительно к специфике российского общества, сделано С. А. Кравченко, который убедительно показал наличие «нормальной аномии». Такое, казалось бы, парадоксальное утверждение фиксирует утрату нравственными универсалиями их всеобщей значимости; «короткую жизнь» ценностно-нормативных образцов и соответствующая им «краткосрочность» социальных отношений, жизненных стратегий; распространение виртуальной реальности, симулякров и симуляций (Кравченко, 2014. С. 4–5). Рассматривалась также ситуация коротких жизненных проектов, свойственных многим индивидам в современном обществе (Кривошеев, 2009). Одновременно это малая протяженность ориентиров, порой неверие в возможность выстраивания длительной перспективы своих предпочтений, неустойчивость в определении своих жизненных стратегий, постоя-

нная боязнь утраты хоть каких-то основ своего привычного мира приводили многих в состояние фрустрации. Это часто означало и субъективную невозможность для человека даже мысленной отделимости позитивного, правильного от негативного, запретного. Это уже отчасти передает представление о социальной патологии и в постмодернистских построениях. Таким образом достаточно большая неопределенность и понятия норма, и, соответственно, способов оценки состояния общества на основе её вызывает немало не только теоретических проблем.

Что касается современного состояния социума, выявления в нем отклонений, негативных явлений, то, на наш взгляд, вполне обоснованной выглядит концепция, развивающая представление о травме применительно к общественной жизни. Исторические аспекты возникновения того явления, которое только в конце XX века стало определяться как культурная травма, детально рассматривал, в частности, С. А. Кравченко (Кравченко, 2020). При этом можно констатировать, что изначально, как известно, под этим явлением Дж. Александер, один из тех, кто формировал основы указанной концепции, понимал культурную травму. При этом имелась в виду ситуация, «когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» (Александер, 2012. С. 6). А вот П. Штомпка утверждает, что социальной травме свойственна определенная двойственность. С его точки зрения «несмотря на непосредственно негативные болезненные последствия, демонстрирует позитивный, функциональный потенциал как сила социального становления. Вопреки вызванным ею разрушениям и дезорганизации культурного порядка, ее можно рассматривать как семя новой культурной системы, стимул культурной консолидации» (Штомпка, 2001. С. 16).

По-настоящему развернутое представ-

ление не только о травме, как о явлении, характеризующим некую грань общественной жизни, конкретный процесс, но и о травмированном обществе в целом, создает Ж. Т. Тощенко. С его точки зрения можно зафиксировать крайне противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов (Тощенко, 2020. С. 24). Отсюда и очень важный вывод: общество травмы может интерпретироваться как третья модальность наряду с эволюцией и революцией (Тощенко, 2020. С. 27). При этом убедительно показано, что появление обществ травмы может быть связано со многими обстоятельствами: бездарным управлением страной, насильственным давлением со стороны внешних сил, с так называемыми «цветными революциями», т. е. масштабными манипулятивными практиками, вызывающими серьезные потрясения, неустойчивость социальных процессов, часто невозможность определить их истинную направленность и, главное, акторов, которые их вызывают. Кроме этого, причинами возникновения и утверждения травмированного состояния общества могут быть длительные этнические противоречия, неверно выбранный путь развития, масштабное социальное неравенство, достигающее высоких значений и не имеющее тенденции к снижению длительное время.

Нетрудно заметить, что в реальности к такого типа обществам можно отнести едва ли не все в современном социальном мире, включая и те, которые испытывали постоянную гордость за свои ценностные предпочтения, нормативную базу, их устойчивость, и даже навязчивую потребность экспорта собственного представления о демократическом устройстве государства в другие страны, регионы. Можно, конечно, было бы сослаться на многие исследования, свидетельствующие о явно травмированном состоянии социального пространства современности, но это не входит в нашу задачу. Перед нами иная цель – выявить наиболее зримые проявления нормативного, морального хаоса, который можно зафиксировать в обществе травмы, и это имеется в виду показать.

Одна из причин хаотичного состояния общественного сознания в настоящее время во многом определяется тем, что в середине 2010-х наступил определенный диссонанс между нормами общества и тем, что часть индивидов стала ощущать себя независимой от происходящего в нем, стремящихся добиваться успеха в жизни рассчитывая исключительно на себя, без какой-либо поддержки со стороны государства. Таких индивидов определили как «самодостаточных» (Горшков, Седова, 2015). Количество таких оторванных от общественного, т. е. общего порядка, живущих в социуме, но как бы вне его, по неким своим правилам и нормам, оказалось достаточно большим. По оценкам, основанным на данных опроса, проведенного в октябре 2018 г., к «самодостаточной» группе могли быть отнесены 49 % опрошенных, а к «патерналистской» (несамодостаточной) и к «промежуточной» – 24 % и 27 % респондентов соответственно (Петухов, 2022. С. 67).

Тогда и возникает проблема оценки социальной патологии в таком обществе, возможность или напротив невозможность рассмотрения всего происходящего в нем с позиции выявления норм, их социальной оценки, отклонения от них. Дело еще заключается, как представляется, в том, что очень часто о настоящем, о происходящих сейчас социальных процессах исследователи нередко судят, исходя из своих методологических и даже идеологических позиций, которые сформировались у них еще в период профессиональной социализации. Иными словами, многим уже просто сложно анализировать актуальные явления на основе прежнего исследовательского опыта. Вот почему Качанов и утверждает, что социология не открывает новую эпоху, а подводит итоги предыдущей (Качанов, 1999. С. 7). В то же время чрезвычайное ускорение социальных процессов, огромный объем несистематизированной информации, поступающей индивидам в режиме онлайн, вызывает реальную и постоянную переоценку ценностей, которые давно стали не инерционными, обеспечивающими кон-

такт между представителями разных возрастных групп. В настоящее время даже внутри одного поколения легко фиксируются разные подгруппы, которые мало связаны в своих ценностных ориентациях с теми, которые, казалось бы, близки по возрасту.

Аномия в обществе социальной травмы, с нашей точки зрения, является полной делегитимизацией норм. Если с точки зрения Дюркгейма утверждение новых норм приводит к преодолению, исчезновению аномии, если с позиции Мерттона аномия и в развитом индустриальном обществе сохраняется, т. к. люди, зная о существовании правил и предписаний, действуют вопреки им, ищут нелегальные средства достижения легальных целей, то в современном обществе ситуация кардинально изменилась. Сейчас множество индивидов отказываются от прежних, традиционных, и новых нормам в их легальности, в возможности и необходимости их принять, руководствоваться ими. Новые нормы и правила к тому же быстро появляются, но с учетом ускорения социального времени столь же быстро и исчезают, своеобразно угасают. В силу этого человек в настоящее время становится не просто самодостаточным из-за отсутствия ожидания чего-либо от государства, социальных институтов. Для индивида общества травмы нормы давно рассыпались на множество частных, индивидуальных. Каждый стремится действовать, пренебрегая интересами других. Однозначные нравственные ориентиры, как справедливо отмечается, уходят в прошлое, на их месте появляются многочисленные варианты моральности, за людьми все больше признается право

жить по их собственным принципам и нормам, которые быстро меняются. В этой ситуации вообще трудно определить, а что собственно является общепринятым (Зарубина, Каргина, Карпова, 2017. С. 80–104). Нормы своеобразно приватизированы индивидами. В полной мере этому способствует и так называемый фриланс и другие неформальные формы занятости.

Наряду с этим все же дают о себе знать корпоративные нормы, которые становятся важнее социальных. В социальных организациях можно фиксировать подлинный диктат этих норм (Жуков, 2021). Учитывая возможности медиа олигархов, происходит беспрецедентное искажение общественной жизни, исключение групп, индивидов из современной системы общения.

Подводя некоторые итоги можно сделать заключение, что в современном обществе достаточно затруднительно, по нашему мнению, определить, какой же смысл имеет понятие аномия. И происходит это в силу крайней неопределенности, аморфности самого термина, который давно перестал отражать реальные процессы в социуме. Так часто любое действие, любой поведенческий акт индивида или даже какой-либо группы находятся в пространстве самостоятельного определения ими дозволенного, что крайне трудно показать людям, а тем более убедить их в том, что совершаемое не соотносится с некими ограничениями, которые могут быть приняты всеми. В обществе травмы само восприятие нормы воспринимается как нечто несущественное, необязательное.

Список источников/ References

Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.

Aleksander Dzh. (2012) Cultural trauma and collective identity. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*. No. 3. P. 5-40. (In Russ.).

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Bauman Z. (2008) Fluid modernity. SPb.: Piter. 240 p. (In Russ.).

Бодрийяр Жан. Прозрачность Зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.

Bodriyyar Zhan (2000) Evil Transparency. Moscow: Dobrosvet, 258 p. (In Russ.).

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Bek U. (2000) Risk society. Towards a different modernity. Moscow: Progress-Tradiciya, 384 p. (In Russ.).

Белл Д. Социальные рамки информационного

общества // Новая технократическая волна на Западе. Москва: Прогресс, 1986. С. 330–342.

Bell D. (1986) Social Framework of the Information Society. *Novaya texnokraticheskaya volna na Zapade = New technocratic wave in the West*. Moscow: Progress. P. 330-342. (In Russ.).

Бурьяк А. В. Абсурдизм как глобальная угроза. 2017. [Электронный ресурс]. URL.: <https://proza.ru/2017/01/31/710> (11.10.2022).

Bur'yak A. V. (2017) Absurdism as a global threat. Available from: <https://proza.ru/2017/01/31/710> (11.10.2022). (In Russ.).

Грэбер Д. Бредовая работа. Тракт о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.

Gre'ber D. (2020) Brad work. A Treatise on the Propagation of Senseless Labo. Moscow: ООО "Ad Marginem Press". (In Russ.).

Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16.

Gorshkov M. K., Sedova N. N. (2015) "Self-sufficient" Russians and their life priorities. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. No. 12. P. 4-16. (In Russ.).

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

Dyurkgejm E'. (1996) On the division of social labor. Moscow: Kanon, 432 p. (In Russ.).

Жуков Д. А., Григоренко О. Н. Социальные нормы как регулятор общественных отношений // Colloquium-journal. 2021. № 33-2 (120). С. 10–11.

Zhukov D. A., Grigorenko O. N. (2021) Social norms as a regulator of social relations. *Colloquium-journal*. No. 33-2 (120). P. 10-11. (In Russ.).

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Высшая школа экономики, 2000. 608 с.

Kastel's M. (2000) Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: High School of Economics. 608 p. (In Russ.).

Качанов Ю. Л. Начало социологии. Москва: Изд-во «Институт экспериментальной социологии», Санкт-Петербург: «Алетейя», 1999. 130 с.

Kachanov Yu. (1999) Beginnings of sociology. Moscow: Publishing house "Institut e'ksperimental'noj sociologii", Sankt-Peterburg: Publishing house "Aletejya". 130 p. (In Russ.).

Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.

Kravchenko S. A. (2014) "Normal anomie": the contours of the concept. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. No. 8. P. 3-10. (In Russ.).

Кравченко С. А. Социологические теории травмы: дискурс в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 60–69.

Kravchenko S. A. (2020) Sociological theories of trauma: discourse in contemporary theoretical sociology. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. No. 4. P. 60-69. (In Russ.).

Кривошеев В. В. Социология криминализованного общества: Россия в девяностые годы XX века. Калининград: КЮИ. 2003. 160 с.

Krivosheev V. V. (2003) Sociology of a criminalized society: Russia in the nineties of the twentieth century. Kaliningrad: KUI. 160 p. (In Russ.).

Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 57–67.

Krivosheev V. V. (2009) Short life projects: manifestation of anomie in modern society. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. No. 3. P. 57-67. (In Russ.).

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.- СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Liotar Zh.-F. (1998) Postmodern state. Moscow: Publishing house "Institut e'ksperimental'noj sociologii", Sankt-Peterburg: Publishing house "Aletejya". 160 p. (In Russ.).

Мартыненко С. В., Карпова С. Г. Генезис девиантного поведения личности в условиях социально-культурных трансформаций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 59–64.

Marty'nenko S. V., Karepova S. G. (2022) The Genesis of Deviant Behavior of a Personality in Conditions of Socio-Cultural Transformations. *Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. No. 3. P. 59-64. (In Russ.).

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1996. С. 299–313.

Merton R. (1996) Social structure and anomie. *Sociologiya prestupnosti (Sovremennyye burzhuazny'e teorii) = Sociology of Crime (Modern Bourgeois Theories)*. Moscow: "Progress". P. 299-313. (In Russ.).

Зарубина Н. Н., Каргина И. Г., Карпова Д. Н. и др. «Нормальная аномия» в России и современном мире. Москва: МГИМО, 2017. 281 с.

Zarubina N. N., Kargina I. G., Karpova D. N. i dr. (2017) "Normal anomie" in Russia and the modern world. Moscow: MGIMO. 281 p. (In Russ.).

Петухов Р. В. Почему люди хотят изменений? Исследование В. Петуховым причин актуализации общественного запроса на перемены // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 25. С. 61–73.

Petuhov R. V. (2022) Why do people want change? V. Petukhov's study of the actualization of the public demand for change the reasons for. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociolog.* Vol. 13. No. 25. P. 61-73. (In Russ.).

Пригожин И. П. Сетевое общество // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 24–27.

Prigozhin I. P. (2008) Network society. *Sociolog-*

icheskie issledovaniya = Sociological research. No. 1. P. 24-27. (In Russ.).

Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. 624 с.

Sorokin P. A. (2006) *Crime and Punishment, Feat and Awards: A Sociological Study on the Basic Forms of Social Behavior and Morality*. Moscow: Astrel. 624 p. (In Russ.).

Филиппова К. В. Аномия в трудовой сфере: девиантное поведение сотрудников организаций (на материалах исследования в Хабаровском крае) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5. С. 36–40.

Filippova K.V. (2021) *Anomie in the labor sphere: deviant behavior of employees of organizations (based on a study in the Khabarovsk Territory)*. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya = Theory and*

Practice of Social Development. No. 5. P. 36-40. (In Russ.).

Штомка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Shtomka P. (2001) *Social change as trauma*. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. No. 1. P. 6-16. (In Russ.).

Swader C. S., Kosals L.Y. Post-socialist Anomie through the Lens of Economic Modernization and the Formalization of Social Control. – Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology". 2013. No. 17. P. 2-32.

Niceforo A. L'io profondo e le sue maschere: psicologia oscura degli individui dei gruppi social. Milano. 1949. Available from: [http://www.butterfly.eu/islandora/object/librib:759342#page/214/mode/2up\(10.11.2023\)](http://www.butterfly.eu/islandora/object/librib:759342#page/214/mode/2up(10.11.2023)).

Информация об авторах

Владимир Вениаминович Кривошеев, профессор, доктор социологических наук, доцент, Образовательно-научный кластер «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14, Российская Федерация, VKrivosheev@kantiana.ru

Даниил Юрьевич Кочергин, специалист по исследованиям, Центр управления регионом Калининградской области, 236022, Калининград, Советский проспект, 13. daniilkohergin39@gmail.com

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 04.12.2022; одобрена после рецензирования 11.12.2022; принята к публикации 18.12.2022.

Information about authors

Vladimir V. Krivosheev, Dr. Sci. (Sociological Sciences), Professor, Associate Professor of Institute of Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Alexander Nevsky St., 236016 Kaliningrad, Russian Federation, VKrivosheev@kantiana.ru

Daniil YU. Kochergin, Research specialist, Center for Regional Management of the Kaliningrad Region, 13 Soviet Avenue, 236022 Kaliningrad, Russian Federation, daniilkohergin39@gmail.com

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Information about the article

The article was submitted 04.12.2022; approved after reviewing 11.12.2022; accepted for publication 18.12.2022.